

Борьба с Капиталом и Властью

1907, источник: М. Корн "Революционный Синдикализм и Анархизм; Борьба с Капиталом и Властью; и др", - СПб-М.: Голос Труда, 1920.

“ Анархический коммунизм есть синтез двух целей преследовавшихся человечеством во все времена — свободы экономической и свободы политической.

П. Кропоткин. (Хлеб и Воля).

Одним из самых больных вопросов русского революционного движения издавна было отношение между борьбой за политическое освобождение и борьбой за социализм. Исторические условия сложились в России так, что социалистам пришлось взять на себя двойную задачу — задачу, которая в передовых странах Западной Европы решалась в две различные эпохи и под влиянием различных идейных течений. Борьба с самодержавным политическим строем, в виду полного отсутствия у нас борющихся либеральных или республиканских партий, легла всею своею тяжестью на социалистов, наряду с их собственною борьбою во имя экономического освобождения.

Первые действующие социалисты — народники-пропагандисты 70-х годов — еще не видели всей трудности этого положения и не смущались им. Для них дело было просто: они работали над близким, казалось тогда, народным восстанием, которое должно было порешить со всем существующим строем в его целом, с экономическим гнетом и государственным порабощением; для них не могло быть, поэтому, и речи о какой бы то ни было отдельной политической борьбе. Народники — как и социалисты 60-х годов, как и западно-европейские социалисты соответственной эпохи — не разделяли момента политического от момента социального, и в этом, а вовсе не в исключительном „экономизме" и индифферентном отношении к политике (как у нас думают многие) лежит отличительная черта этого направления.

„Экономизмом" страдали позднейшие социал-демократы; им страдают их идейные, наследники (хотя и впавшие в ересь) — махаевцы; что же касается народников, то стоит просмотреть любую из их брошюр, чтобы увидеть, что политический вопрос ими далеко не замалчивается: он только не выделяется из общего вопроса об освобождении народа. Их взгляды свободны от тех компромиссов, от которых в наше время потускнела социалистическая идея; нет здесь ни социалистического государства, ни захвата власти: все должно быть совершено прямым действием народа, „снизу вверх", а формую

общественной организации будущего явится „союз независимых производительных общин" [1]. Здесь нет ни парламентаризма, ни программ-минимум, одним словом — никакой формы примирения с врагом.

Практическая деятельность народников очень скоро поставила их лицом к лицу с правительственной властью, ответившей на их пропаганду жестокими преследованиями. Оказалось, что с этим врагом нужно бороться сейчас же, непосредственно, раньше чем какое бы то ни было народное восстание успеет вспыхнуть. Необходимость этой борьбы, а также потребность сплотиться в более тесную организацию привела, как известно, к образованию общества „Земля и Воля". Его принципиальные основания были те же, что в первых пропагандистских кружках: как и народники, землевольцы ставили своей задачей подготовку народного восстания с целью социалистического переворота; но, рядом с этим, они ввели в свою деятельность новый, боевой элемент. В программе „Земли и Воли" мы находим „терроризацию правительственных чиновников, кулаков, помещиков, фабрикантов и т. п." „в местностях, где народное недовольство принимает особенно острый характер", а также и террор политический, как средство борьбы против русского государства, которое, гозорится в программе, является „самым беззащитным и самым грубым выразителем" стремления всякой формы государственной организации поддерживать интересы эксплуатирующего меньшинства. В виду этого, рядом с пропагандистскими группами, „Земля и Воля" создавала особую группу, т. наз. „дезорганизаторскую", в задачи которой входило освобождение из под ареста товарищей, защита от правительственного произвола и самозащита против предателей. Но и агитация, и боевые выступления „Земли и Воли" (Казанская демонстрация, убийство Мезенцева, ряд вооруженных сопротивлений и т. д.) были исключительно средством самозащиты и дезорганизации правительства, но не средством совершения политического переворота. Это понятие явилось только впоследствии. Конечно, очень многое в программе „Земли и Воли" спорно и неприложимо — особенно теперь — но основная мысль этой программы: народное восстание, как цель, а попутно, по мере требований движения, вооруженная борьба с политическими и социальными угнетателями, — остается вполне верною и ценною для нас до сих пор. Борьба социалистическая и борьба политическая здесь сливаются.

Распадение на „Народную Волю" и „Черный передел" нарушило это единство и раскололо социально-революционную программу на две половины. „Народная Воля" повела свою известную геройскую борьбу; но в этой борьбе она поставила себе целью захват власти и проведение социализма сверху вниз, а позднее — терроризирование правительства с целью вынудить его на конституционные уступки. „Черный передел" намеревался сохранить в чистоте социалистическую идею; но, отрицая вооруженную борьбу, он мало по малу сошел на степень своего рода экономического реформаторства. От него отлетел революционный дух, и он остался бессильным.

С тех пор целостная и одновременная постановка вопросов экономического и политического уже не возвращалась к нашим партиям. Социал-демократия, зародившаяся и приобретшая влияние в момент реакции, когда единственная революционная партия — „Народная Воля" — была разбита, не только не упрочила русское движение на социалистической почве, но сделала все, чтобы поставить перед ним, как непосредственную цель, один только политический переворот. Фаталистическое представление о неизбежных фазисах развития,

выведенное даже не из настоящего, а из какого то упрощенного псевдо-марксизма, естественно привело к тому, что воцарение буржуазии с ее политической формой — парламентским строем — стало казаться единственным предвидимым будущим. И мало по малу дело дошло до того, что во время революции в России наши социал-демократы стали объявлять „сознательным или бессознательным провокатором" всякого, кто осмелится заглянуть дальше простого конституционализма.

Понятие о разделении деятельности социалистов на два периода: сначала завоевание политической свободы, затем (уже в рамках конституционного государства и при посредстве его органов) борьба за социализм — понятие чисто социал-демократического происхождения, родившееся вместе с первою программю-минимум. Но оно проникло далеко за пределы социальдемократии: оно вошло, например, неотъемлемым элементом в программу наших социалистов-революционеров, по своим теоретическим предпосылкам, казалось бы, совершенно не склонным к такого рода POSSИБИЛИЗМУ [2]. Оно проникло даже к максималистам, с их „трудовой республикой". Конституционализм окончательно свил себе прочное гнездо в программах наших партий; не удивительно, поэтому, что, поскольку этим партиям удавалось руководить русским движением, оно вдохновлялось исключительно политическими лозунгами.

Единственное же идейное течение, которое должно было остаться и осталось вне этого всеобщего конституционализма — течение анархическое — было до сих пор еще слишком слабо в России.

I

Та идейная последовательность, которая с самого момента зарождения анархического движения — с эпохи Интернационала и деятельности Бакунина —заставляет анархистов всеми силами противиться разделению вб времени политического и экономического освобождения, создает для них в России очень трудную принципиальную и практическую задачу выработать свое отношение к происходящей борьбе с точки зрения совершенно обратной той, на которой стоят наши руководящие социалистические партии. Насколько трудна эта задача, и каким больным местом она является для нашего движения, — это знают все товарищи, действовавшие в России в революционное время. Отношение к политическим лозунгам и манифестациям, террор экономический и террор политический, „центральный", или „разлитой", — как вопросы практические; отношение к завоеванию демократического строя, как вопрос теоретический — все это служило и до сих пор служит предметом горячих споров между анархистами и представителями других партий, а также и в самой анархической среде. Вот эти-то вопросы мы и хотим по возможности осветить здесь. Обстоятельно разработать и обсудить их все — задача слишком широкая для небольшой брошюры, да, пожалуй, и неисполнимая: практические вопросы решаются на местах, в зависимости от момента, и всякая распланировка заранее и издали всегда выходит неудачною. Решить раз навсегда все практические вопросы, - какие только могут представиться, нельзя, — но что возможно и что обязательно, это — выработать такие общие начала, которые бы всякий раз безошибочно подсказывали частное решение. Речь здесь будет именно только о таких общих началах.

В практике русского движения непосредственное революционное чутье всегда подсказывало нашим товарищам верное жизненное решение: идти и участвовать в борьбе, раз происходит борьба. Но этого жизненного решения недостаточно: важно, с какими целями и надеждами идет человек в борьбу. А здесь мы вряд ли ошибемся, если скажем, что, в общем, психология борцов за анархические идеи в России была проникнута пессимизмом: на них сильно отразилось общее убеждение в недостижимости для России в ближайшем будущем какого бы то ни было переворота социалистического характера. В их душе жило раздвоение: им казалось, что они приносят свою жизнь в жертву чужому идеалу, работают для будущего, которое для них самих не имеет никакого обаяния — для воцарения у нас „правового порядка“.

Можно разное смотреть на отсутствие веры в успех того движения, в котором принимаешь участие. Существует даже мнение (с ним случается встречаться и среди наших товарищей), что отсутствие всяких иллюзий на этот счет — даже полезно, что в этом — своего рода трезвый реализм, предохраняющий от возможности разочарования и упадка Духа в случае неуспеха. И отсутствие у анархистов, в России веры в возможность сделать что-нибудь для практического осуществления своих идеалов некоторые товарищи считают залогом твердого отношения к возможным неудачам в будущем.

Мы думаем иначе, и спасительное средство от разочарований видим не в этом. Без веры в то, что служишь проведению в жизнь своего идеала, можно героически отдать свою жизнь, но нельзя создать ничего прочного для будущего. Дело, конечно, не в наивной, некритической вере, в то, что вот-вот мы увидим осуществленным анархический строй, а дело в том основном принципе великой общественной деятельности, что всякая поставленная цель достижима в той мере, в какой люди верят в ее достижимость и затрачивают на это свою энергию.

Наше понимание хода общественных движений — совершенно иное, чем у тех партий, которые делят свои задачи на ближайшие и отдаленные, и естественным образом направляют всю свою деятельность исключительно на первые. Для них всегда существует, с одной стороны, конечный идеал, в настоящую минуту недостижимый по общей неподготовленности страны, народа или класса, с другой — ряд ближайших, целей, составляющих ряд этапных пунктов по пути к этому идеалу. Осуществление этих ближайших задач и само по себе, кроме того, приносит известное улучшение, а потому, говорят нам, будем бороться за каждую из поставленных одна за другою целей в отдельности, поднимаясь таким образом, как по ступенькам, к тому идеалу, который стоит на вершине лестницы.

Таков обычный ход рассуждений составителей программ ваших политических партий; у них не возникает никаких сомнений в правильности его. "Многолетнее умственное влияние социал-демократии не прошло в России даром; оно оставило настолько укоренившиеся привычки мысли, что их не чужды даже самые непримиримые идейные противники социал-демократии — анархисты. Большинство наших товарищей рассуждает приблизительно так же: анархический строй в России сейчас недостижим: ближайшее, к чему можно стремиться, это — демократизация политического режима, и только она осуществима на практике. Для нас же остается, или устраниться совсем, жалея о том, что мы родились

слишком рано, или, повинувшись жизненному чутью, броситься в борьбу за чужое дело.

В основе всех этих рассуждений лежит несколько ложных по существу понятий, кажущихся однако, по некоторой особой привычке мысли, неприложными истинами.

***

Возьмем прежде всего „достижимость“ и „недостижимость“ того или другого идеала. Она представляется всегда чем-то абсолютным, чем-то управляемым чуть ли не, космическими силами и законами; забывается, что понятия эти — чисто относительные, временные, зависящие исключительно от нашей оценки момента. Я как трудна эта оценка, видно хотя бы из того, как жестоко всегда ошибались на этот счет все наши партии. Если движение в России повсюду заставляло их врасплох, то именно потому, что они судили о „достижимости“ на основании опыта, приобретенного ими в иное, мирное время, а этот опыт оказывался совершенно непригодным в момент революционный. В такой момент все становится вдруг достижимым; но вот революция подавлена, наступает время упадка — и то, что совсем, было, стало реальною действительностью, опять превращается в мечту. Что же? Была-ли в поставленной цели какая-нибудь особенная, внутренняя „недостижимость“? Сторонники исторического фатализма, фанатики „объективных условий“ скажут, что очевидно то, что не было достигнуто, и не могло быть достигнуто; но это — слишком легкий и удобный способ судить о своевременности тех или иных запросов на основании успеха или неуспеха. Такая точка зрения совершенно запрещает какие бы то ни было программы и планы на будущее, пока за ними не обеспечен успех наверняка. А когда-же это бывает? Сколько у нас злоупотребляли и злоупотребляют „объективными условиями“, необходимыми для появления социализма! А между тем непредубежденному глазу сразу видна недостаточность, по крайней мере, тех объективных условий, на которые указывают марксисты: страна наибольшего развития капитализма — Америка — стоит позади почти всех европейских стран в смысле социалистического движения; быстрый рост капитализма в Германии в течение последних десятилетий и сравнительный застой его во Франции не помешал измелчанию немецкого социализма и созданию, наоборот, во Франции революционного синдикализма, т. е. самого передового и самого развитого в социалистическом направлении рабочего движения, какое только мы знаем в наше время. Очевидно, помимо классических „объективных условий“ марксизма существуют другие условия, еще более важные, коренящиеся в прошлом данной страны и созданной этим прошлым народной психологии.

Всякие, рассуждения о том, к чему „готов“ и к чему „не готов“ народ бывают всегда ложны — все равно в пессимистическом или в оптимистическом направлении. У нас нет никакой возможности учесть все факторы, из которых состоит подготовленность данной среды. Да и что называть подготовленностью? Будем ли мы считать, что готовы к осуществлению социалистического строя тогда, когда у нас будет социалистическое большинство? Но это большинство совершенно немисливо составить при существующих общественных условиях, и мы все хорошо знаем это. Если бы возможно было достигнуть коренного изменения понятий, чувств, привычек, всего воспитания массы путем одной только пропаганды, то к чему была бы насильственная революция, с ее множеством страданий? Ведь не даром столько выстрадано культурниками, пришедшими к революционным путям деятельности:

горьким опытом убедились они в том, что воспитать людей будущего в недрах настоящего — невозможно (во сколько-нибудь широких размерах, конечно). Все толки о распространении социализма среди громадных масс, все эти миллионы социалистических избирателей Германии, поневоле возбуждают в нас недоверие. И действительно, стоит только присмотреться ближе к положению вещей в Германии, чтобы увидеть, что все это — голоса вовсе не социалистов, а просто недовольных, желающих тех или иных реформ, но нисколько не задающихся целями коренного общественного преобразования. А так как в Германии социал-демократия — единственная оппозиционная партия, то все эти оппозиционные голоса естественно направляются к ней. А у нас? Разве все те, кто поддерживал борьбу, начатую социалистами, разделяли социалистические убеждения? Очевидно нет, но социалисты одни боролись, и за ними шли все недовольные элементы, каждый со своими особыми желаниями и требованиями.

Одно из самых обычных возражений, которые делаются анархистам, это — следующее: „Анархизм — прекрасная вещь, но для осуществления его в жизни требуются иные люди, более высокого нравственного уровня, чем окружающие нас". Но, спросим мы, откуда возьмутся эти люди? Ведь не существующий же общественный строй с его развращающим влиянием, которого отрицать не может никто, поднимет нравственный уровень человечества? Мы слишком ясно видим громадное влияние общественной среды на человека и слишком много надежд возлагаем в будущем именно на преобразование среды, чтобы питать такие иллюзии. Нет, мы знаем, что анархистов создаст только анархистический строй. Получается таким образом какое-то парадоксальное положение, какой-то заколдованный круг. Где же выход из него? Выход подсказывается не логическим построением, более или менее убедительным, а самую жизнью, опытом прошлого.

Как происходили всегда освободительные движения? Борьба против существующего порядка вещей, как и всякая новая идея — идея будущего — возникает сначала среди меньшинства, в силу тех или иных условий поставленного так, что оно сильнее остальных массы чувствует и угнетение, и надежду избавиться от него. Условия слишком тяжело гнетут массы, чтобы многие могли сразу освободиться от духовного порабощения и начать борьбу. Но революционное меньшинство начинает ее на свой страх и риск, не заботясь о том, следуют ли за ним остальные. И понемногу за ним начинают следовать; это сказывается, если не на фактах, то в незаметном перерождении умов. Страх и забитость ослабевают при виде бесстрашной борьбы наиболее решительных; растет дух протеста, увеличивается и число борющихся. За что борется передовое меньшинство — еще не совсем понятно, но против чего оно борется — это видно всем. Я против того же самого готовы бороться, хотя с разными лозунгами и с разными степенями непримиримости, очень многие. Какое-нибудь событие, иногда ничтожное, какой-нибудь выдающийся акт произвола и несправедливости, дает толчок и происходит взрыв. Наступает революционное время, богатое опытом, период напряженнейшей общественной и умственной жизни; общественное развитие идет гигантскими шагами. Растет мысль революционеров — и инициативного меньшинства, и массы; между ними теперь уже нет прежней пропасти.

В результате революционного подъема — все равно, будет ли революция торжествовать или она будет подавлена — общий уровень понятий в массе оказывается повышенным. Он теперь — нечто среднее между тем, чем он был раньше, и тем, что было прежде достоянием

одного только передового меньшинства. Идеал этого меньшинства еще не осуществлен, но то, что осуществлено (на практике, если революция удачна, в умах только, если она подавлена) есть нечто приближающееся к этому идеалу, и при том приближающееся тем больше, чем упорнее, непримиримее и последовательнее проводило свои убеждения это меньшинство. Осуществляется часть требований, выставившихся в наиболее широких программах; осуществление другой части остается в наследство следующему поколению и становится лозунгом новой эры, которую открыла революция. Революция — не только завершение предшествовавшей ей эволюции: она, кроме того, отправной пункт эволюции последующей. Теперь ставятся на очередь именно те лозунги, которые в происшедшей революции не смогли еще найти себе достаточного отклика, чтобы воплотиться в жизнь.

В этих общих соображениях — ответ на поставленный выше вопрос: как быть, если анархический строй требует людей, подготовленных к его осуществлению, а такие люди не могут создаться при современных условиях? Да, сейчас анархисты — незначительное революционное меньшинство. Мало того: они сами еще далеко не люди будущего, потому что на них неизбежно отражается то, что они воспитались и живут в недрах существующего строя. Но в виду тех или иных условий, они поставили себе известный общественный идеал; их дело, поэтому, — работать во имя его, не считаясь с тем, много-ли или мало людей окажутся способными последовать за ними. Масса, конечно, не подготовлена, но она никогда не бывает подготовлена: революционный взрыв всегда наступает раньше.

Что анархический идеал не будет осуществлен в его целом, даже если ближайшая революция в России вполне победит, это — более, чем вероятно; но чем непримиримее и упорнее будет вестись пропаганда анархических идей, и в период борьбы, и в период строительства будущего, тем прочнее войдут они в тот строй, который водворится „на другой день“ после революции, тем большее место займут они в умах масс. Если мы хотим, чтобы непосредственно после ближайшего переворота, который наступит в России, требования социализма, и притом социализма анархического, стали лозунгом не только передового меньшинства, но массы, их нужно выставить теперь же, чтобы голос анархизма раздался в революционный момент настолько громко, чтобы его было слышно в послереволюционный период; нужно, чтобы в той революции, которая произойдет теперь, были ясно и доступно выставлены анархические принципы. Они не будут осуществлены в ближайшее время, но это необходимо для того, чтобы они сделались лозунгом дальнейших завоеваний, в борьбе за прогресс в недрах нового общества. Это — необходимое условие успеха. В умы масс и в факты жизни входит, прорезываясь сквозь старые переживания и сталкиваясь с другими направлениями, лишь известная доля выставленного цельного идеала, и чем этот идеал шире, определеннее, тем значительнее, больше и решительнее и то, что останется от него в жизни и в умах. В этом смысле журавль в небе не только для нас субъективно лучше, но и на практике полезнее синицы в руках.

Даже в неудавшейся, в подавленной революции те лозунги, которые были выставлены в период борьбы, не пропадают даром: остаются для следующего поколения. Все революции девятнадцатого века были неудачными; это были поражения рабочих, но такие поражения, из которых каждое составляло шаг вперед к победе. Обманувшая надежды рабочих революция 1848-го года вырыла, в июньские дни, окончательную пропасть между рабочими и республиканской буржуазией; она, кроме того, очистила социализм от его мистического,

религиозного характера и связала его с реальным общественным движением. Парижская Коммуна 1871-го года, совершенно раздавленная, потопленная в крови, подорвала безусловно господствовавший до того времени культ государственной централизации и провозгласила принцип широкой автономии и федерализма. Я русская революция? Несмотря на то, что она не пережила даже временного торжества, как Коммуна, несмотря на то, что по жестокости подавления ее она стоит, может быть, даже впереди Коммуны, несмотря на все это, разве можно сравнить Россию теперь с Россией десять лет тому назад? Распространяться об этом излишне: каждый из нас может привести сколько угодно фактов, указывающих на громадную перемену.

Нет, несомненно даже самая неудачная, самая незначительная по практическим результатам революция дает все таки неизмеримо много по сравнению с обычным медленным ходом прогресса. И потому, с точки зрения борьбы за будущее, революция — всегда победа, каков бы ни был ее внешний исход. После самого жестокого поражения всегда можно сказать ее борцам, как говорится в одном старом стихотворении революционеру, попавшему в плен к врагам:

И если спросят: чья взяла?

Скажи: моя взяла, конечно!

II

Вычеркивая из нашего обсуждения вопросы о достижимости нашего идеала и подготовленности массы, как вопросы не только ненужные, но вредные для правильного понимания революционной деятельности, мы однако нисколько не упрощаем стоящих перед нами задач. Но только трудность их заключается совсем в ином.

Как относиться к движению, которое происходит не под преимущественным нашим влиянием а или стихийно, или под руководством других партий? Какое может быть наше участие в борьбе, которая по своей сознанный цели, по своему положительному идеалу — не наша борьба (мы говорим положительному идеалу, потому что в своей отрицательной стороне, как борьба с существующим гнетом всякая освободительная борьба — наша борьба)?

Как бы ни была на первый взгляд соблазнительна и как бы не казалась последовательна та упрощенная точка зрения, что анархист может участвовать только в движении проникнутом анархическими идеями, она на практике привела бы к полному бессилию и даже хуже: ко вреду для дела. Об этом еще можно было бы говорить если бы история шла так, что все общественное движение могло бы создаваться одними анархистами и все недовольство, существующее в народе, находило бы себе выход в анархическом направлении, так что в конце концов само собою вылилось бы в революции безгосударственного и коммунистического характера. Но дело в том, что рядом с анархистами работают и другие партии, а больше всего работает стихийное недовольство, которое приводит в конце концов к стихийным же взрывам, еще далеко не проникнутым анархическими идеалами.

Мало того: можно сказать наверняка, что даже та революция, которая даст победу этим идеалам, начнется под лозунгами гораздо менее широкими и дойдет до анархизма только в своем развитии. Ведь все революции в истории начались с движений сравнительно незначительных и идейно сравнительно бедных: Великая Французская Революция не мечтала в начале ни о полном уничтожении Феодалного строя, ни о свержении королевской власти, не говоря уже о более крайних социальных запросах, выдвинутых ее меньшинством впоследствии, в процессе ее развития. Парижская Коммуна 1871-го года была вначале взрывом патриотического негодования и больше всего актом самообороны от реакционных попыток правительства. Впрочем, приводить исторические примеры даже излишне: они у всех в памяти. Общественные движения имеют свои внутренние законы развития — и это верно не только для революций, но и для гораздо более мелких явлений. Вспомним, как неудачны всегда бывали всякие попытки вызвать крупное движение определенного характера к определенному моменту; вспомним что только те забастовки, например, которые, возникали стихийно и шли постепенно расширяясь, доходили до действительно грозных размеров; всякий же раз, когда руководители пытались предписать их, они терпели неудачу. Точно также и революцию никогда не удастся сделать по определенному плану и в желательный момент: она разразится в результате непредвидимых мелких событий; революционерам же остается пока только учиться, как подготовиться к ней, чтобы не быть застигнутыми врасплох, как это бывало до сих пор, несмотря на самые выработанные программы.

Наблюдая общественную жизнь той или иной страны, можно приблизительно предвидеть, какой характер будет носить в ней ближайший революционный взрыв. Во Франции например, он, судя по всему, явится результатом какого-нибудь обострившегося стачечного конфликта; вся современная синдикалистская борьба ведет к этому. В Германии таким поводом может послужить какая-нибудь особенно резкая реакционная попытка со стороны императорской власти. В России у нас есть полное основание думать, что движение выйдет, или из широко распространившихся крестьянских восстаний, или из каких-нибудь рабочих движений, вероятно с политическими лозунгами; во всяком случае, оно сейчас же примет характер политически-освободительный. С ним-то нам и придется считаться.

***

Здесь многие наши товарищи ставят такой вопрос. Принимая участие в борьбе с существующим политическим строем, мы косвенно служим установлению у нас того самого правового порядка, все недостатки которого мы сами показываем в своей пропаганде; какой же смысл имеет наше участие в такой борьбе? и не есть ли это участие измена основному нашему принципу, что мы работаем не для политического, а для экономического переворота?

Эта, повидимому последовательная, постановка вопроса, в сущности грешит непродуманностью; мало того: она идет в разрез именно с основными принципами анархизма.

Да, мы работаем для экономического переворота, но для нас этот переворот должен сопровождаться и самым крупным политическим переворотом, какой только знала история:

уничтожением самой государственности Переворот политический и переворот экономический всегда были, и не могут не быть, в глазах анархистов неразрывно связаны друг с другом. Именно так ставили вопрос социалисты Интернационала до того момента, когда, под влиянием Маркса, в нем обрисовалось социалдемократическое крыло. Тогда-же, создавшаяся в 1869 году немецкая партия выдвинула впервые программу-минимум; в нее вошли требования составлявшие раньше достояние буржуазных радикалов (прямое законодательство, всеобщая подача голосов и проч. и проч.), и политическое освобождение было поставлено предварительным условием экономического. Точно также, позднее создалось и отклонение в обратную сторону: разъединение двух задач, вплоть до примирения с „социальной монархией“, т. е. такую монархическую власть, которая согласилась бы пойти на встречу некоторым требованиям рабочих (громким примером может послужить недавнее примирение с итальянским королем бывшего социалистического депутата Энрико Ферри).

Анархисты, никогда не шедшие на компромиссы ни с какой властью, ни демократической, ни монархической, сохраняют в этом отношении старую позицию, и теперь, больше чем через сорок лет, могут повторить слова Бакунина: „Социальная революция несколько не исключает революции политической. Напротив, она необходимо предполагает ее, но она придает ей совершенно новый характер — характер действительного освобождения народа от государственного ига. Почти все политические учреждения и вся политическая власть были созданы, в сущности, исключительно для защиты и охранения экономических привилегий имущих и эксплуатирующих классов против возмущений пролетариата: ясно поэтому, что социальная революция должна будет разрушить эти учреждения и эту власть не раньше и не позже, а одновременно с тем, как она занесет свою смелую руку на экономические основы народного порабощения. Революция социальная и революция политическая будут в действительности неотделимы одна от другой, да так оно и должно быть, потому что первая без второй — невозможность, бессмыслица, а вторая без первой — надувательство. Политическая революция, одновременная с революцией социальной, неотделимая от нее и служащая, так сказать, ее отрицательным выражением, будет не изменением, а грандиозной ликвидацией государства и коренным уничтожением всех политических и юридических учреждений, имеющих целью порабощение народного труда и его эксплуатацию привилегированными классами" [3].

Можно сказать, что анархисты — наибольшие „политики* из всех социалистов, потому что они наименее склонны к „экономизму“, наименее способны мириться с политическим гнетом, даже если мы представим себе его в обществе экономически преобразованном. Для нас свобода личности и автономия группы — не менее дорога, чем экономическая обеспеченность: потому-то мы и отказываемся от коллективизма с его вознаграждением пропорционально труду, хотя бы и достаточным, и миримся только на единственно свободном экономическом принципе, на принципе коммунистическом: „каждому по его потребностям, от каждого по его силам“. Потому то мы и протестуем заранее против гнета социалдемократического государства, несмотря на то, что экономическое освобождение оно, если и не целиком, то в значительной мере все-таки принесло-бы. Мы больше, чем кто бы то ни было помним, что „не о хлебе едином жив будет человек“, и если и хотим хлеба прежде всего, то потому, что знаем, что без этого первого условия не осуществимо и все остальное. Но и этим остальным мы не поступимся, тем более, что, знаем заранее, что на

одном только экономическом благосостоянии при государственном и духовном порабощении, какое сулит нам социал-демократический строй (если даже мы допустим, что такая комбинация исторически осуществима), человечество все равно не помирится, и ту противогосударственную борьбу, которую оно, во имя интересов чистой экономики, откажется вести сегодня, ему придется все равно вести завтра, после той, очень неполной, победы, которую оно себе готовит.

Все это с такою очевидностью вытекает из основных принципов анархизма, что, пожалуй, и напоминать об этом было бы излишне, если бы для анархической пропаганды, возродившейся в России после 30-летнего промежутка, не создалось очень своеобразное положение. Я создалось оно благодаря, главным образом, тому, что анархисты явились тогда, когда другие, рядом действующие, партии имели за собою уже долгие годы существования. Инициаторам анархического движения пришлось, поэтому, столкнуться прежде всего не с незатронутой массой, а с партийной средой социалистов-революционеров и социал-демократов. Первые наши группы составились из бывших членов этих партий, т. е. произошло перемещение людей внутри партийной среды, совершенно также, как несколькими годами раньше первые создавшиеся группы социалистов-революционеров вербовали своих членов из социал-демократов. Потребность полемики с существующими партиями, потребность как можно яснее отмежеваться от них заняла, поэтому, сразу в работе наших товарищей очень видное место — опять таки, как немного раньше потребность критики социал-демократии у соц.-революционеров. Самым существенным казалось сразу выдвинуть свою, особую, точку зрения, — так, чтобы нельзя было смешать деятельность анархистов ни с какою другою. Им точно боязно было, что если они будут действовать так, как если бы они одни вели революционную борьбу, то самой их деятельности, хотя бы и подкрепленной идейной пропагандой, будет недостаточно, чтобы сразу отличить их от других, соседних, партий. Я потому у нас было очень распространено такое представление, что если другая партия делает что-нибудь, хотя бы с нашей точки зрения вполне полезное, то все таки нам этим заниматься уже не следует, потому что иначе — чем же мы будем отличаться? И, несмотря на странность такого опасения, оно было вполне объяснимо для партии, создавшейся в России, в революционный момент, когда думать об идейном обосновании и о распространении своей теоретической программы было некогда, а нужно было прямо действовать. Отсюда попытки такого вмешательства в революционную борьбу, которое само бы за себя говорило и сразу видно было бы как анархическое, без всяких объяснений. Одним из таких, некоторым образом „символических" способов действия явился т. наз. „безмотивный" террор. Таким же результатом спешности, невозможности продумать свою программу и стремления подчеркнуть исключительно ее отличия от других, была и некоторая односторонность нашей пропаганды.

Анархисты явились с своею основною идеей непосредственного экономического переворота в партийную среду, где господствовал совершенно обратный взгляд: достижение идеалов социалистических откладывалось там на более или менее отдаленное будущее, а на очередь ставилось исключительно изменение государственного строя. Поэтому анархистам приходилось настаивать именно больше: всего на экономической и социальной стороне борьбы, т. е. делать то, чего не сделал вокруг них никто другой. Из своего лозунга „безгосударственный социализм", им приходилось поневоле напирать на социализм, оставляя пока в стороне борьбу с государством, которая и так велась вокруг них — по

крайней мере с государством в его наличной форме.

Но продолжаться так не может. Это приспособление к другим партиям — хотя бы в смысле постоянной оппозиции им — в сущности — признак слабости — неуверенности в своей способности сыграть самостоятельную роль. Наша пропаганда слишком легко пошла по линии наименьшего сопротивления и сосредоточилась на сравнительно нетрудной задаче: критике конституционалистических иллюзий и борьбе с идеализацией демократического строя, действительно доходившей у нас до геркулесовых столбов. На этой почве пропаганда была нетрудна и всегда успешна. Наши товарищи пользовались анархической литературой, создавшейся в Западной Европе и очень полно разработавшей вопрос о парламентаризме — вопрос самый насущный для выработки основных взглядов на социалистическую борьбу в демократических странах. Они обнаруживали, таким образом, обыкновенно гораздо лучшее знакомство с борьбой рабочих на Западе, чем их противники, чутьли не воображавшие себе, что всеобщее избирательное право делает рабочих господами положения.

Но критика государственного строя демократических государств, как бы справедлива она ни была сама по себе, взятая в отдельности еще ни к чему не приводит. Демократического государства у нас еще нет; поэтому борьба с ним имеет смысл постольку поскольку она входит в общую анархическую пропаганду и поскольку рядом с отрицанием демократического государства в нашей пропаганде будет всегда выставлен и тот положительный идеал, который мы ставим на место его: безгосударственный федералистический строй, свободный союз независимых коммун. Остановившись же исключительно на критической стороне, разбивая иллюзии, на которых основывается идущая вокруг нас борьба и не давая взамен их ничего другого, мы рискуем принести не пользу, а вред и вред не только делу анархической пропаганды, но и делу революции в России вообще. Мы рискуем недостаточно осторожным отношением посеять разочарование, индифферентизм, оттолкнуть от борьбы, и нужно помнить, что всякий такой случай лег бы на нас тяжелым позором.

Нужно не пассивное равнодушие к борьбе за демократизацию политического строя и тем более не враждебное отношение к этой борьбе, а нужна выработка своей, антигосударственной, программы политической борьбы, программы, которая опять таки построена была бы на неотделимости борьбы политической от борьбы экономической.

Не у нас первых возникли, эти вопросы: они стояли и перед социалистами западноевропейских стран. Был момент, когда французские рабочие, отброшенные далеко от республики июньскими днями 1848-го года, встретили без всякого сопротивления последовавший государственный переворот Наполеона III-го и водворение империи. Но эта империя поработила не только республиканскую буржуазию, ставшую рабочим ненавистною, но и самих рабочих, которые потом почувствовали ее гнет гораздо сильнее, чем буржуазия, быстро объединившаяся с государственною властью в борьбе против общего врага — народившегося рабочего движения. Вот что писал Бакунин в 1870 году по поводу возможности индифферентного отношения парижских рабочих к победам Германии над Францией, победам, которые могли привести к порабощению Франции под деспотическим игом, прусской монархии:

Если бы это была правда (слухи о таком индифферентном отношении) а я все надеюсь, что это— неправда, то вот что это доказывало бы. Это доказывало бы, прежде всего, что рабочие, сузив до крайности экономический и социальный вопрос, свели его на простой вопрос исключительно материального благосостояния для самих себя, т. е. на узкую и нелепую утопию, осуществление которой совершенно невозможно. Все связано в человеческом мире, и материальное благосостояние может явиться следствием только полного и коренного преобразования, которое охватит и разрушит все существующие учреждения и прежде всего свергнет всю существующую власть, военную и гражданскую, во Франции и за границей. Это доказывало бы, с другой стороны, что, поглощенные этою нездоровой утопией, рабочие Парижа и Франции потеряли всякое чутье к современности, что они перестали чувствовать и понимать что-либо вне самих себя, а потому перестали понимать и условия своего собственного освобождения; что они перестали быть живыми и сильными людьми, у которых есть сердце, ум, в которых живет страсть, гнев и любовь, и превратились в двуногих резонеров и догматиков, какими были христиане при Римской Империи. Это показывало бы, что теоретические рассуждения и догматическое самомнение сделало рабочих слепыми и тупыми [4].

Этим политическим индифферентизмом, который Бакунин так боялся увидеть у французских рабочих, никогда не страдали анархисты западной Европы; не страдали им и русские народники и землевольцы 70-х годов, во взглядах и программах которых безусловно господствовали анархические идеи. Доказывать это обстоятельно — излишне: и цитат из писаний анархистов, и примеров из их практики пришлось бы привести слишком много. Достаточно вспомнить всю нашу литературу, начиная с настольной книги анархистов всех стран — „Речей Бунтовщика“ П. А. Кропоткина [5] и кончая всеми органами интернациональной анархической печати, чтобы увидеть, на какую принципиальную точку зрения становились всегда в этих вопросах наши товарищи; ту-же самую точку зрения проводило в России в ряде своих изданий т. наз. „хлебовольческое“ направление, Вспомним, с другой стороны, об участии анархистов во всех революционных движениях всех стран, с тех самых пор, как анархическое движение существует, т. е. в течении приблизительно сорока лет. Во всех восстаниях Италии, Испании и Португалии, во всех крупных общественных движениях других стран, в борьбе со всеми попытками националистической и монархической реакции во Франции, анархисты всегда были в первых рядах борющихся. Напомним, наконец, о всем известных громких актах политического террора анархистов. И только у нас в России, по какому-то нелепому стечению обстоятельств, а может быть и по слишком уже большой страсти к доктринерству, поднялся у товарищей вопрос о том, как относиться к окружающему освободительному движению. В России, где это движение — вопрос даже не политики, а простой борьбы с диким зверством! И когда? Когда после бесконечно долгого сна, страна, наконец, начал а просыпаться и весь мир— мир не черносотен и ный, конечно, а мир живых людей — с надеждой смотрел на это пробуждение; когда наши товарищи — анархисты других стран — ждалот России искры, которая, может быть, зажгла бы всю Европу, а многие думали об образовании легионов на помощь русской революции. А у нас беспокоились о том, не сыграем ли мы, участвуя в освободительной

борьбе, в руку либералам, и совершенно упускали из виду то громадное значение, какое происходящая борьба имела не только для конституционалистов разного толка, но и для нас.

***

А между тем стоит только минуту подумать над нашим основным принципом, чтобы понять нашу роль в этой борьбе. „Антигосударственность" анархистов предполагает, что они борются с каждой наличною формою государства, вплоть до уничтожения всех форм его. Ведь „государства" отвлеченного, которое воплощало бы чистую идею государственности и не было бы ни монархией, ни республикою, и никакою другою из известных форм правления — такого государства не бывает, а потому нам приходится всегда встречаться с какою-нибудь конкретною формою его, с тем или иным политическим строем. С этой конкретной — определенной, существующей формой и приходится бороться, совершенно независимо от того, что у других участников освободительного движения, эта борьба предполагает стремление к какому-нибудь иному строю. И чем сильнее давит данная государственная форма, тем больше сил должно затрачиваться и на борьбу с нею. В России государственный гнет достигает максимума того, что мы можем себе представить в настоящее время; так неужели же анархисты будут относиться пренебрежительно к борьбе с ним, когда наши западно-европейские товарищи не мирятся даже с смягченным гнетом республик?

Государственное порабощение держится как и всякое порабощение, на привычке подчиняться ему, на приспособлении к нему, и для того, чтобы люди дошли до такого состояния, когда всякий гнет станет для них невыносимым, в какие бы демократические одежды он не облекался, в них должно воспитаться такое чувство независимости, такая привычка к сопротивлению и борьбе, которая сама по себе и без всякого упражнения не может родиться в рабских подданных российского государства.

Только в борьбе со всеми наличными формами государственного угнетения можно придти к тому, чтобы сделать невозможным, в момент социальной революции, установление той формы его, которую мы можем предвидеть из программ социалистов-государственников. Иначе анархическое воспитание масс идти не может.

Из боязни сыграть в руку буржуазным либералам, наши товарищи забывают одно, гораздо более важное соображение: что, даже косвенно послужив своим участием в борьбе достижению политического идеала либералов, они послужат не только и не столько этому достижению, сколько тому, что гораздо более денно: ослаблению рабских, верноподданнических чувств, воспитанных долгими годами гнета, выработке духа протеста и потребности индивидуальной свободы. Уменьшается этим престиж власти, прежде имевшей за собой века господства, и та власть, которая заменит собою прежнюю, традиционную, уже никогда не будет стоять так прочно. Она явится уже подорванной и не будет иметь для массы прежнего обаяния. Традиция власти вековой — той, которая кажется непоколебимою, вечной, от Бога установленной, — во что должно быть разрушено прежде всего для установления антигосударственной оппозиции. Власть, которую, как показал опыт, можно изменять и свергать, которая есть дело рук человеческих, на глазах или на памяти современного поколения созданная, уже не так страшна; ее уже коснулась критика.

А раз коснувшись традиции и предрассудка, критика разъедает их все дальше и дальше; отсюда прямой путь к понятию о возможности обойтись без всякой власти вообще. Здесь, как и во многом другом, важен не столько фактический результат, т. е. тот политический строй, который установится на развалинах свергнутого, сколько самый факт свержения этого старого строя.

Возьмите такое демократическое государство как Францию. Самая конституция ее — всеобщая подача голосов, ответственность министров и разные другие пожелания наших политиков, во Франции давно уже осуществленные, — ничего до сих пор не дали и никогда не дадут рабочим для их освобождения; все эти учреждения находятся всецело на службе у буржуазии, родились и выросли вместе с нею и употребляются ею исключительно для охраны своего господства. Но с этими демократическими формами управления связаны, вместе с тем, известное гражданское равенство и целый ряд таких свобод, как свобода слова, печати, ассоциаций, вероисповеданий и т. д., которые когда-то буржуазия завоевала для себя в своей борьбе и которыми ей волей-неволей приходится теперь дать пользоваться и борющимся против нее рабочим. Почему же однако ей „приходится“ делать это? Не из политической честности и последовательности конечно (это никогда не мешало буржуазии вводить против революционеров разного рода „исключительные законы“), а просто потому, что без известного минимума уступок, самое существование ее стало бы невозможным. Этот минимум свобод охраняется не законами демократической конституции, а историческим фактом: тем, что он завоеван в ряде революций кровью рабочих и они не позволят теперь отнять их у них.

Прошлая история, пережитая борьба создала то, что рабочих нельзя теперь поработить в той мере, в какой они были поработаны раньше. И если рабочие хотят пользоваться для своего освобождения и печатью, и собраниями, и открытыми организациями, они пользуются ими ровно настолько, насколько сами способны отстоять их. Без стоящей за „правами“ и „свободами“ силы прошлых революций и настоящей готовности народа к самообороне и сопротивлению, писанные конституции никакой цены не имеют. Да среди современных установившихся конституций и нет дарованных: дарованные сами очень быстро тают и все „неприкосновенности личности“, в них значащиеся, исчезают, как дым.

***

В пылу увлечения, в спорах с теми, кто возводит „правовой порядок“ чуть не в рай земной и идиллически расписывает положение западно-европейского рабочего, нашим товарищам случается говорить, что „все равно — что Франция, что Россия: везде плохо“.

Действительно, везде плохо. И тем не менее нельзя закрывать глаза на очевидный факт: на громадные различия общественной жизни и общественного развития Франции, больше ста лет тому назад добившейся уничтожения самодержавной монархии „божьей милостью“ и феодального порядка, и нашей России, где первая все еще царит, а крепостное право еще помнят наши отцы. Мало того: если в политическом и социальном строе России и произошли разного рода смягчения, то это зависело не только от потребностей ее экономического развития, но и от того, что в ней с начала XIX-го века создалось революционное движение во имя освободительных идей, служивших прямым отражением идейных веяний и революционных движений Западной Европы, особенно Франции. Ряд французских

революций, начиная с Великой Революции, не только сделал из Франции громадную лабораторию общественной мысли, но и вызвал соответственный и неизбежный прогресс и в других странах. Нельзя отрицать наличность известной политической эволюции, нельзя ставить знак равенства между всеми формами политического гнета на том основании, что мы хотим уничтожения всякого гнета. В области экономических отношений, например, когда мы говорим, что наемный рабочий тот же раб, из этого вовсе не следует, что между рабством и наемным трудом нет никакой разницы, или что уничтожение крепостного права не было громадным шагом вперед. Здесь даже никаких споров быть не может: стоит только спросить у самого несчастного рабочего, у самого голодающего русского крестьянина, согласен ли он снова сделаться крепостным?

Это не значит, конечно, что мы восхищаемся демократическим строем или „свободой“ современного рабочего. В какой-нибудь демократической республике наших дней люди не меньше страдают, не меньше возмущаются, не меньше борются; но лучше уже то, что они там стали гораздо чувствительнее к притеснению, гораздо нетерпимее: для них невыносимо то, что для нас — вполне привычно. А в сущности ведь в этом и состоит прогресс. Наши потомки, может быть, субъективно не будут чувствовать себя счастливее, чем мы, но их несчастья будут иного рода. Они, может быть, будут не меньше страдать и бороться за те или иные научные, философские, эстетические, нравственные взгляды, но им будет непонятно существование человека голодного, человека, лишенного того, что для них будет казаться общим достоянием, как для нас воздух. Они будут, может быть, страстно отстаивать свою умственную и нравственную индивидуальность от давления установившихся традиций и общественного мнения, но принуждение государственное, господство грубой силы отойдет для них в область прошлого.

И в области социальной, и в области политической, сумма свободы в человечестве и потребность его в свободе увеличиваются. Ставя себе целью полное освобождение, как экономическое (коммунизм), так и политическое (безгосударственное общество), мы идем в согласии с этой общей эволюцией. Мало того: уже тот факт, что такая задача поставлена нашим временем и что соответственное общественное мировоззрение на наших глазах все больше и больше проникает в умы, — уже одно это показывает, что осуществление нашего идеала неизбежно наступит. „Человечество ставит себе только разрешимые задачи“, потому что самая задача ставится только тогда, когда для ее разрешения уже накопились необходимые условия. Над этой мыслью Маркса [6], от которой не отказался бы ни один из нас, так называемых утопистов, следовало бы подумать нашим трезвым социальдемократам, с такою уверенностью решающим вопросы „достижимости“, необходимых стадий и т. д.

***

То, что было сказано выше о значении политической освободительной борьбы, в сущности — ничто иное, как перенесение в политическую область тех принципов, которыми постоянно руководствуются в своей деятельности все анархисты, участвующие в экономической рабочей борьбе. И здесь перед нами всегда стоит определенная цель: экономическая революция, коммунистический строй; эта цель — едина и не разменивается на ряд расположенных во времени, частичных целей, которые составляли бы программу-минимум и

достигались бы одна за другою. Но мы не руководим всем рабочим движением, мы бессильны направить его все, целиком сейчас же, на революцию во имя нашего идеала, Вокруг нас рабочие борются за свои более мелкие ежедневные требования: сокращение рабочего дня, увеличение платы, улучшение условий труда и т. д. Что же делать анархисту? Если он — рабочий, следовательно человек, сам заинтересованный в борьбе с хозяевами, а таких большинство среди наших товарищей, то вопрос ставить почти излишне, потому что его участие в борьбе — забастовке, демонстрации, бойкоте и т. д. — требует простая солидарность, помимо всяких программных соображений. Но эти проявления рабочего движения имеют для него еще и другое, гораздо более важное значение; он поддерживает их не только как солидарностью связанный товарищ, но и как работник революционного дела, даже если ему самому и не приходится по своему положению во что бы то ни стало участвовать в них. А почему? Не потому, конечно, чтобы он думал, что с 8-и часовым рабочим днем кончится капиталистическая эксплуатация, или что каждая данная стачка непременно превратится в социальную революцию. Нет, вся эта борьба, помимо связывающего всех рабочих чувства солидарности, важна для анархиста потому, что она — единственный путь к окончательному освобождению. Это — первые бунтовские проявления рабочего протеста, первые шаги к революционному изменению условий труда. Рабочий, не способный на них, тем более не будет способен на революцию, потому что привычка к подчинению и забитость сразу не сбрасываются. В лучшем случае, он пойдет за вожаками, как орудие в чужих руках. А между тем для нас существенно важно именно, чтобы рабочие ни за кем не шли, а взяли бы сами на себя строительство будущего. Но, для этого нужно упражнение и мысли и воли, нужно то, что один из главных деятелей французского синдикалистского движения назвал (к великому ужасу не только буржуазной печати, но и социаль-демократов) „революционной гимнастикой". Борьба рабочих за частные требования имеет именно такое, воспитательное значение; и именно постольку, поскольку она имеет его, она важна для нас. Важны не фактические результаты (которые бывают, большей частью, в смысле материальном ничтожны), а важно умственное отражение борьбы на самих борющихся. И роль анархистов, участвующих в этой борьбе, всегда и везде состояла и состоит в том, чтобы придать ей максимум этого воспитательного значения, стираясь ввести в нее те приемы, которые больше всего способны развивать в массах самостоятельность и дух протеста. Потому-то и симпатично нам движение революционного синдикализма, с его враждебным отношением ко всяким примирительным мерам в роде обращения к законодательной власти, посредничеству, „коллективным договорам", и проч. и проч., и с его стремлением заменить все это прямою борьбою, захватным порядком, „непосредственным действием".

То же самое и в области политической: и здесь, как и там, для нас важны не непосредственные результаты, не тот компромисс на который, под напором силы, пойдут господствующие классы. Важен тот путь, которым развивается эта сил. А путь этот — один: постоянная борьба, лозунги которой подсказываются потребностями массы и суммою всех живущих в данную минуту в ней идей. Эти требования выставлены не нами; но в борьбе за них, если только она ведется прямым революционным путем, крепнет та сила, которая впоследствии выступит за наши требования, когда их выдвинет на первый план развитие самой жизни и упорные усилия наших борцов.

Примечания

1 Из речи Мышкина на процессе 193-х. Но выражение того же самого взгляда можно найти во всех произведениях народников.

2 POSSИБИЛИСТАМИ („возможниками“) называлась во Франции партия самых умеренных социал-демократов, для которых даже Гед (Guesde) считался крайним.

3 Из отрывка, написанного по-французски и изданного недавно в т. IV собрания сочинений Бакунина под заглавием: „Рукопись в 114 стр., составленная в Марсели“ (Manuscript de 114 pages redigé a Marseille), стр. 197 — 198.

4 „Письма французам“ („Lettres a un Franfais“). т. 11 франц. издания, стр. 255 —256.

5 См. особенно главу „Политические права“.

6 Из предисловия к "Критике политической экономии".

Версия #3

Зверобой создал 21 февраля 2026 06:46:00

Зверобой обновил 21 февраля 2026 09:17:53